

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Сметина Анна Сергеевна

**Каузативные конструкции и поддержание референции в
связном тексте**

(на материале калмыцкого, башкирского и нанайского языков)

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Направление: 035700 Лингвистика

Профиль: Теоретическое и экспериментальное языкознание
(английский язык)

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. С.С. Сай

Рецензент:

м.н.с. Д.В. Герасимов

Санкт-Петербург

2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение.....	3
II. Каузативные конструкции и дискурсивная проблематика.....	4
II.1 Определение каузатива.....	4
II.2 Каноническая каузативная конструкция и собственно синтаксические употребления каузатива.....	9
II.3 Требования организации дискурса: поддержание референции в связном тексте.....	13
II.4 От синтаксической обусловленности к дискурсивным причинам. Специфика калмыцкого каузатива.....	14
II.5 Обращение к семье.....	17
II.6 Каузатив в башкирском языке.....	17
II.7 Каузатив в нанайском языке.....	21
II.8 Каузатив и поддержание референции в языках трех ветвей.....	22
III. Исследование каузативных конструкций на материале естественных текстов.....	24
III.1 Методика анализа.....	24
III.2 Каузативные конструкции в башкирском естественном тексте.....	29
III.3 Каузативные конструкции в нанайском естественном тексте.....	38
III.4 Сравнение полученных данных с данными калмыцкого языка.....	44
IV. Заключение.....	50
Литература.....	52

I. Введение

Настоящее исследование лежит на пересечении сферы функционирования каузатива и сферы организации текста, а именно – вопроса о поддержании референции в дискурсе.

В попытке объяснения наблюдаемых языковых закономерностей некоторые современные исследователи стремятся взглянуть на изучаемые элементы и структуры с высоты текста. В результате такого дискурсивно ориентированного взгляда на систему языка было выдвинуто предположение, что в калмыцком языке выбор каузативной формы в потоке речи определяется стремлением говорящего удерживать ракурс, направление взгляда на описываемую ситуацию с помощью сохранения ролей участников этой ситуации (исследование [Сай: 2009]). В соответствии с этим предположением, калмыцкий каузатив может служить средством передачи установленного в предыдущем контексте отношения между главным участником (он становится каузатором ситуации, занимая привилегированную позицию подлежащего), и второстепенным (он занимает уступающую позицию прямого дополнения в качестве каузируемого). Связанные с предшествующим контекстом, участники в составе каузативной конструкции осуществляют поддержание референции в тексте, структурируя отношения в нем согласно требованиям организации дискурса.

Обладая, в частности, таким примечательным назначением своих каузативных конструкций, калмыцкий язык пополняет состав монгольской ветви алтайской группы языков. Для уточнения типологической специфичности наблюдаемого явления представилось полезным сравнить результаты изучения калмыцкого каузатива с поведением каузативов языков других ветвей в пределах единой алтайской группы. Такими языками стали башкирский – для тюркской ветви, и нанайский – для тунгусо-маньчжурской.

II. Каузативные конструкции и дискурсивная проблематика

Для достижения терминологической и понятийной ясности, определим в самом начале работы те языковые сущности и явления, которым она посвящена.

II.1 *Определение каузатива*

В настоящем исследовании термин «каузатив» используется в том его понимании, которое представлено, среди прочего, в [Плунгян 2011]. Такое понимание предусматривает разграничение залога и актантной деривации, несмотря на близость и связанность этих явлений. В основании их разделения лежит несовпадение характера преобразований, которым подвергаются конкретные структуры. Залог призван менять синтаксические отношения внутри заданной ситуации, не затрагивая ее семантической интерпретации, в частности, сохраняется состав участников и их семантические роли. Пассив (1) является ярким способом осуществления коммуникативных преобразований.

(1) Садовник **заметил** грабителя. / Грабитель **был замечен** садовником.

Залог вызывает изменение исходной коммуникативной структуры предложения, перераспределение коммуникативных рангов участников ситуации в соответствии с желанием говорящего представить их отношения в определенном ракурсе. При этом особое морфологическое оформление глагола и изменение синтаксической структуры предложения является следствием изменения структуры прагматической.

Актантная деривация, напротив, вызывает изменение состава или референциальных характеристик участников ситуации, не ограничиваясь условиями, заданными исходной ситуацией. Изменение коммуникативных рангов в таком случае сопутствует преобразованию семантической структуры, но не является отправной точкой в изменениях.

Повышающая актантная деривация («valence-increasing derivation» в терминологии, берущей начало от [Comrie 1985]) – тот тип актантной деривации, когда в семантической структуре у преобразованного глагола, по сравнению с исходным, появляется новый аргумент. Один из самых распространенных видов повышающей деривации (и актантной деривации вообще) – добавление участника с ролью агенса и/или причины. Этот процесс может отражаться глагольной словоформой, связывающей участников, – в этом случае производная форма называется каузативом, как в башкирском примере (2) :

(2) *ul*   *šalqan ultar-t-qan*
тот   репа   сидеть-CAUS-PC.PST

‘Он посадил репку.’ [110715_ldn_V_M_SkazkaORepke.003]

Новый участник всегда занимает привилегированную синтаксическую позицию подлежащего, вынуждая прежнее подлежащее понизить свой синтаксический статус. Таким образом, коммуникативные роли участников претерпевают изменение, однако, как ни очевидна эта составляющая (характерная в первую очередь для залоговых преобразований), надо повторить, что в случае актантной деривации она лишь следует за преобразованием семантической структуры.

Пока мы не удалились от темы противопоставления залога и актантной деривации, нужно заметить, что, хотя полный синкретизм этих категорий невозможен, между ними нет и жесткой границы. Спаянность процессов можно проиллюстрировать на материале северно-самодийских языков, каузативы которых обладают спектром функций, специфика которых получила отражение в [Стенин 2013, 2014]. Специфичные функции проявляются в несобственных употреблениях каузатива: таких употреблениях, которые не укладываются в рамки определения, охватывающего самые главные, базовые свойства категории. В [Лютикова и др. 2006] перечислены следующие свойства, характерные для каузативов:

- a. добавление агенса (характеризуемого набором агентивных свойств)
- b. каузируемый теряет часть агентивных свойств (если они были)
- c. образование переходной предикации из непереходной
- d. агенс кодируется как синтаксически приоритетная ИГ
- e. каузируемый кодируется как синтаксически неприоритетная ИГ

Благодаря выделению основных свойств можно опознать в показателе каузативный характер и приписать ему соответствующее назначение, которое становится определяющим для категории, выражаемой этим показателем. Тем не менее, категория включает в число своих проявлений не только основные, но и периферийные случаи, когда условия и следствия появления показателя не отвечают заданному базовому определению. Предполагается, что эти отклонения не обособляются от категории, потому что позволяют проследить связь с ней. В таком случае можно говорить о несобственных употреблениях форм – они содержат показатель категории, но не обладают всеми ее признаками.

В ряду несобственных употреблений каузатива в северно-самодийских языках указывается класс случаев, в которых не происходит изменения количества актантов («не-повышающая деривация») [Стенин 2014]. В таком случае каузатив предстает в роли маркера конверсивных отношений, где происходит смена коммуникативных ролей партиципантов (примеры из тундрового ненецкого, [там же: 7]):

- (3) *mən*° *te-m*   *mətoq-ŋa-d*^{°m}.
 1SG олень-ACC выиграть-GFS-1SG.S
 ‘Я оленя выиграл {например, играя в карты}.’

В приведенном примере (без каузативной конструкции) выигравший участник (‘я’) занимает привилегированную позицию, проигравший представлен имплицитно.

- (4) (*lúca-n*^{°h})   *yes*°-*n*^{°ih}   *mətoq-ləbtaə-d*^{°m}.
 русский-DAT   деньги.ACC.PL-POSS1NPL   выиграть-CAUS.GFS-1SG.S
 ‘Я (русскому) деньги проиграл.’

меняют изначальное соотношение партиципантов и членов предложения. Актантная деривация является иным грамматическим преобразованием – воздействующим на само значение предиката, увеличивая или уменьшая число партиципантов, не сосредоточиваясь на соотношении семантических ролей и синтаксических позиций. «Актантная деривация, которая создает для глагола вторичное подлежащее со значением агенса, называется каузативом» [там же: 432]. Новый агент (каузирующий, causer) получает общий контроль над ситуацией, оставляя первоначальному агенту (каузируемый, causee) контроль лишь над частью ситуации (если он вообще обладает агентивными свойствами, ср. в башкирском: *kil-* ‘приходить’ > *kil-ter-* ‘приводить’, где каузируемый сохраняет остатки агентивности, и ‘приносить’, где «подконтрольный» вовсе ею не обладает). Занимая привилегированную позицию, каузирующий получает оформление, соответствующее статусу обычного подлежащего (в соответствии с законами конкретного языка), оформление каузируемого при этом может измениться, согласно неизбежному смещению его роли в ситуации и предложении.

В процессе каузативации глагольная форма подвергается внутреннему преобразованию; в языках засвидетельствованы разные способы отражения этого процесса:

1) лексический: лексема, контекстно заменяющая исходный глагол и не являющаяся производной от него (русский: *видеть* – *показывать*);

2) аналитический:

2.1) глаголы и конструкции, присоединяемые к исходному и выражающие определенный тип каузации (русский: *Я заставил его отвечать*);

2.2) обобщенный глагол, передающий отношение каузации как таковое (английский: *I made her laugh*)

3) морфологический: специальные аффиксы в составе преобразуемой словоформы (башкирский: *беш-*, ‘вариться’ > *беш-ер-*, ‘варить’)

4) не затрагивающий внешней формы исходного глагола: его лабильность позволяет обходиться внутренними силами – меняется лишь управление (английский: *The water boils – John boils the water*)

Приведенная классификация используется и развивается, начиная с работ в сборнике [Холодович 1969].

Разнообразие форм и функций каузатива в языках мира находит отражение в многочисленных исследованиях, как предпринимающих попытку обобщающего взгляда на типологию каузативных конструкций, так и уточняющих обобщения с помощью анализа конкретного языкового материала. В качестве наиболее известных работ на эту тему стоит указать упомянутый сборник [Холодович 1969] (особенно отмечая в нем первые подступы к типологии каузатива [Недялков, Сильницкий 1969а и 1969b]), труды Б. Комри, в частности, впервые противопоставившего залогу актантную деривацию, например, [Comrie 1976], и М. Сибатани, предлагающего функциональную интерпретацию каузатива как категории, отражающей соотношение участников ситуации согласно выбору говорящего ([Shibatani 1976], [Shibatani, Pardeshi 2002]), а также взгляды на каузатив, изложенные в [Dixon 2012: 239-290], хотя приведенные примеры, без сомнения, не исчерпывают общего списка значимых исследований.

II.2 Каноническая каузативная конструкция и собственно синтаксические употребления каузатива

Обращаясь теперь к семантике и функциям каузатива, рассмотрим пример из башкирского языка, демонстрирующий употребление канонической каузативной конструкции.

(7)	<i>Šul baj keše-lär-ǰe</i>	<i>ešlä-t-kän,</i>	<i>häm ber</i>
	тот богач человек-PL-ACC	работать-CAUS-PC.PST	и один
	<i>telem=genä</i>	<i>ikmäk-kä</i>	<i>ešlä-gän-där</i>
	ломтик=только	хлеб-DAT	работать-PC.PST-PL

‘Этот богач заставлял людей работать, и они работали за один только кусок хлеба.’

Такое употребление отражает качества, которые чаще всего оказываются присущи категории каузатива в языках мира (в соответствии со свойствами, выделенными в [Лютикова и др. 2006] и приведенными в II.1):

- появляется агентс (*baj*, ‘богач’), который занимает привилегированную позицию подлежащего и кодируется номинативом (то есть, как приоритетная именная группа)

- каузируемый (*kešelär*, ‘люди’) теряет часть агентивных свойств, подчиняясь воле каузирующего, занимает непривилегированную позицию прямого дополнения и оформляется аккузативом (то есть, как неприоритетная именная группа)

- на основе исходного глагола (*ešlä-*, ‘работать’) образуется производный переходный (*kešelär-đe ešlät-*, ‘людей заставлять работать’)

Появление в высказывании канонического каузатива вызывает определенный семантический сдвиг по отношению с аналогичной некаузативной конструкцией: он привносит характер вынужденности в действие, совершаемое каузируемым, накладывает на вводимого каузатора главную ответственность за это действие, подразумевая контроль с его стороны. В [Недялков, Сильницкий 1969а: 6] отношение каузации, связывающее две ситуации (действие каузируемого и воздействие каузатора), считается синонимом причинно-следственного отношения, и такой взгляд согласуется с обычной обусловленностью действия воздействием, характерной для каузативных конструкций. Однако разнообразие языковых данных отражает и такие употребления каузативов, которые отклоняются от ожидаемой схемы их поведения (один из примеров таких отклонений – несобственные употребления в северно-самодийских языках – был описан в п. II.1). Сосредоточимся на нетипичных употреблениях каузатива, связанных с их появлением в условиях полипредикации (основано на материале [Сай 2014]).

В целом для категорий, связанных с синтаксическими преобразованиями, не затрагивающими пропозициональную семантику

высказывания (в первую очередь, для пассива и антипассива), отмечалась их возможная способность нести исключительно синтаксическую функцию в условиях полипредикации (например, в [Palmer 1994], [Van Valin 1980]). Замечалось, что под давлением какой-либо полипредикативной конструкции, накладывающей ограничения на синтаксическую структуру высказывания, эти залоговые конструкции обеспечивали кореферентность определенных аргументов без модификации семантической структуры. Это явление можно проиллюстрировать примерами (8), (9) из языка дирбал, приводимыми в [Palmer 1994: 179].

- (8) *rjuma yaba-rjgu bufa-n banaga-jiu*
 father + **ABS** mother-**ERG** see-PAST returned-PAST
 ‘Mother saw father and (he) returned.’

В такой конструкции единственная возможная интерпретация предполагает, что неназванный абсолютный участник второй клаузы интерпретируется как кореферентный абсолютному же участнику первой клаузы; интерпретация ‘Mother saw father and returned’, т.е. такая интерпретация, при которой эргативная именная группа из первой клаузы оказывается кореферентная нулевой абсолютной группе из второй невозможна;. Чтобы придать высказыванию такой смысл используется антипассивная конструкция:

- (9) *yabu butal-rja-jiu rjuma-gu banaga-jiu*
 mother +**ABS** see-**ANTIP**-PAST father-**DAT** returned-PAST
 ‘Mother saw father and returned.’

Благодаря использованию каузатива кореферентные участники в обеих клаузах соответствуют позиции абсолютива. В подобных случаях говорят о синтаксической функции залогов, т.е. о функции, которая сводится к помещению тех или иных актантов в нужные синтаксические позиции (при сохранении пропозициональной семантики клаузы).

Каузатив, будучи актантной деривацией, воздействует в первую очередь именно на пропозициональное содержание высказывания, поэтому в [Dixon 2012: 239-240] утверждается, что каузатив не используется для выполнения исключительно синтаксической роли.

На самом деле, вопреки подобным ожиданиям, языки мира обнаруживают такую способность каузативной категории: типологический обзор случаев употребления каузативов в синтаксической функции представлен в [Сай 2014]. Оказывается, что каузатив «регулярно выступает как средство, благодаря использованию которого становятся грамматически возможны определенные полипредикативные структуры» [Сай 2014: 8]. В калмыцком языке встречаются примеры именно таких употреблений каузативных конструкций.

Схожие наблюдения излагаются в работе [Ханина 2001], где рассматриваются дезидеративные конструкции чувашского языка. Помимо прочих, здесь упоминаются случаи «разносубъектного желания», когда главный (желающий) участник не совпадает с участником желательной ситуации. В таком синтаксическом контексте на зависимом предикате возникает каузативный показатель, что позволяет верно интерпретировать роли участников ситуации желания за счет введения их прямого соотношения через каузацию. Например, при выражении на чувашском смысла 'Мать хочет, чтобы сын смеялся' появится каузативная конструкция с вершиной 'смеяться-CAUS' и соответственно оформленными участниками, подчиненная главному глаголу 'хотеть'. Такие употребления, по мнению О. В. Ханиной, отражают процесс грамматикализации каузатива в чувашском языке.

В калмыцком языке аналогичный синтаксический контекст разносубъектного желания, где желаемая ситуация передается целевой конструкцией, тоже требует маркера каузации для достижения кореферентности:

- (11) [nar-igə ertə bos-ul-xar] bi sed-žä-nä-v
солнце-ACC рано вставить-CAUS-CV.PURP я.NOM хотеть-PROG-PRS-1SG
'Я хочу, чтобы солнце рано встало.' (букв.: 'Я хочу рано поднять солнце.') [Сай 2014: 1]

Таким образом, в ряде синтаксических контекстов снабжение подчиненной глагольной формы маркером каузатива служит единственным способом сохранить грамматическую правильность в рамках определенной грамматической структуры [Сай 2014: 9]. Однако если конструкция действительно может предписывать структуру высказыванию, то сложнее выявить то, что заставляет говорящего употребить такую ограничивающую конструкцию.

II.3 Требования организации дискурса: поддержание референции в связном тексте

Процесс построения текста подвергается действию определенных принципов, соблюдение которых должно помочь достижению цели, ради которой он строится. Основная цель коммуникации – передача информации со стороны говорящего, осуществляемая с наименьшими смысловыми потерями при ее интерпретации адресатом, со всей предусмотренной полнотой и верностью (в соответствии с задачей автора сообщения). В частности, такой информацией является определенный взгляд на ситуацию, ракурс, с которого говорящий предпочитает представить положение дел адресату. В организации дискурса используются не только приемы, обеспечивающие связность и большую доступность текста для воспринимающего, но и системы, контролирующие внимание адресата, чтобы, с одной стороны, упростить интерпретацию, с другой – направить ее в русло, необходимое говорящему.

Изучая инструментарий поддержания темы дискурса, топика, в текстах, Т. Гивон предлагает методики анализа, позволяющие проследить определенные дискурсивные закономерности [Givón 1983]. Одна из них, методика измерения референциального расстояния, предполагает оценку

степени топиальности референта через измерение удаленности (исчисляемую в клаузах) конкретного появления референта в клаузе до его предыдущего упоминания в тексте. Меньшее расстояние свидетельствует о более тесной тематической связности клауз, в частности, о большей топиальности референта. Если топик фигурировал (эксплицитно или имплицитно) в непосредственно предшествующей клаузе, можно говорить о поддержании референции последующей клаузой. Примером средств поддержания референции может служить использование нефинитных подчиненных клауз, кореферентных главной (английский: *I did it to attract attention*). Для них можно предсказать отсутствие субъекта ввиду его однозначной идентификации в такой конструкции, что отражает дискурсивный характер конструкции и означает высокую степень тематической связности клауз.

II.4 От синтаксической обусловленности к дискурсивным причинам. Специфика калмыцкого каузатива

Особенностям употребления каузативных конструкций в калмыцких нарративах отчасти посвящено исследование, представленное в [Сай 2009]. При анализе естественных текстов не было встречено исключительно синтаксических контекстов использования каузативов, связанных с кореферентностью в условиях полипредикации (они обсуждались в п. II.2). Вместо этого было обнаружено, что каузатив имеет явную тенденцию появляться в нарративных цепочках, передающих последовательно развивающиеся события – характерного способа организации повествования в калмыцком (см. пример (12) из [Сай 2009: 452]).

(12) <...> *Sivir-tə od-ad, madn-igə av-ad od-ad,*
 Сибирь-DAT уходить-CV.ANT мы-ACC брать-CV.ANT уходить-CV.ANT
mana ekə eckə xojr xojr küük-än vazər-tə
 мы.GEN мать отец два два девочка-P.REFL земля-DAT
üld-ä-väd, mini eckə Sivir-tə basə

оставаться-CAUS-CV.ANT   я.GEN   отец   Сибирь-DAT   тоже

üldə-v

оставаться-PST

{После того как поженились,} ‘...уехали в Сибирь, нас взяли и уехали, мама с папой двух детей похоронили (букв.: ‘в земле оставили’), мой отец тоже умер (букв.: ‘в земле остался’) в Сибири’.

Использование каузатива среди прочих глагольных форм цепочки обеспечивает единство синтаксического субъекта (‘мать и отец’), возглавляющего в качестве подлежащего все события: ‘поженились’, ‘взяли’, ‘уехали’, ‘похоронили’. Кроме того, он сохраняет ровность изложения, связывая субъекта ‘отец’ из предшествующего контекста с последней клаузой благодаря включению его число участников предпоследней клаузы в позиции каузатора. Таким образом, удается избежать двойной смены перспективы: ср. гипотетическое ‘...отец и мать уехали, дети умерли (‘отец’ уходит из поля зрения), мой отец умер (‘отец’ возвращается в поле зрения)’. В целом, каузатив сохраняет направление взгляда на события – со стороны отца и матери.

Анализ корпуса текстов показал, что партиципранты при каузативах, как правило, не выражены. Применение несколько модифицированной методики Т. Гивона (описанной в п. II.3) позволило установить высокую степень топикальности участников: большей – для каузирующего и меньшей – для каузируемого. Сверх того, выяснилось, что в калмыцком языке существует явная корреляция между выраженностью каузируемого участника в каузативной конструкции и той ролью, которую исполняет его референт при последнем упоминании. Нулевое выражение предпочитается при сохранении позиции прямого дополнения, а смена позиции провоцирует эксплицитность участника. При этом смена позиции подразумевает не только введение в повествование абсолютно нового референта в лице каузируемого, но и резкий сдвиг его роли: перевод из привилегированного положения подлежащего в позицию прямого дополнения.

Поскольку сохранение и смена позиции участников отражает сохранение и смену перспективы говорящего (см. направление взгляда на ситуацию, замеченное для примера (12)), в результате наблюдений было выдвинуто предположение о дискурсивной обусловленности использования каузатива в текстах калмыцкого языка. Ролевое соотношение участников из предшествующего контекста влияет на последующее построение текста, провоцирует говорящего на сохранение этого соотношения для сохранения взгляда на ситуацию с установленной позиции: для поддержания единства перспективы акценты должны быть расставлены так же, как и раньше. Каузатор удерживает на себе внимание, занимая позицию подлежащего, каузируемый остается в тени, несмотря на то, что в новой ситуации является уже фактическим деятелем. Каузатив является грамматическим способом сохранить топик и направленность внимания адресата, перенося роли прежде упомянутых агенса и пациенса в новую ситуацию. Таким образом, имитация конкретного распределения ролей с помощью каузатива обеспечивает сохранение ракурса, с которого подается вся ситуация, через поддержание референции – соотносительности новых ролей референтов с установленными прежним планом действия.

Это предположение оказывается возможным и не протiwоестественным еще и потому, что С. С. Сай отказывается от презумпции, что "семантическая структура выстраивается на доязыковом уровне и что, тем самым, в нарративных текстах на разных языках эта семантическая структура должна в целом строиться одинаково" [там же: 458]. Действительно, в описанных выше случаях с калмыцкими каузативами мы имеем дело с особенностями организации связного текста, которые воздействуют на семантические и синтаксические структуры, подчиняя их дискурсивным правилам, а значит, по-видимому, если не предшествуют их оформлению, то преобладают над ними.

Дискурсивная мотивированность употребления каузативной конструкции сейчас представляется, с типологической точки зрения,

специфической чертой калмыцкого языка. Это предположение требует привлечения материала других языков и рассмотрения их данных с того же ракурса: это позволит уточнить масштаб распространения явления и обнаружить сходства и различия в этой области между разными языковыми системами.

II.5 *Обращение к семье*

Цель нашего исследования как раз состоит в уточнении специфики использования каузативных конструкций в данной дискурсивной функции, а именно в выяснении того, является ли эта способность каузатива уникальной для калмыцкого языка или она представлена, как минимум, в некоторых языках, генетически и типологически близких калмыцкому, то есть в других алтайских языках.

Алтайская языковая семья представляет собой объединение по крайней мере трех ветвей: монгольской, тюркской и тунгусо-маньчжурской (вопрос о структуре и генетической связи между алтайскими языками, в число которых иногда включают также японо-рюкюские и корейский языки, остается дискуссионным). В соответствии с задачами исследования следовало выбрать языки-представители ветвей, соседних с монгольской, которая содержит калмыцкий язык. Выбор башкирского языка из тюркской группы и нанайского – из тунгусо-маньчжурской был мотивирован тем, что для этих языков в моем распоряжении имелись базы естественных текстов, созданные в экспедициях и включающие материалы последних лет. Другим фактором послужило мое знакомство с этими языками и упомянутыми корпусами, благодаря работе с башкирскими и нанайскими текстами в рамках отдельных исследований.

II.6 *Каузатив в башкирском языке*

В грамматиках рассматриваемых языков применительно к категории, выражающей отношения каузации, предпочитается термин «понудительный

залог». В данном случае его следует воспринимать как обобщение явлений залога и актантной деривации, которые были разведены в п. II.1. В целом, алтайские языки обладают структурной близостью в сфере «залога»; наибольшее схождение при этом обнаруживается именно среди каузативных формантов [Кормушин 1990].

Описывая характеристику «понудительного залога» в башкирском языке, Н. К. Дмитриев тоже отмечает его типичность для тюркских и монгольских языков [Дмитриев 2008: 171-173]. Он перечисляет следующие каузативные аффиксы (здесь опускаются варианты этих показателей, обуславливаемые фонетическим контекстом): *-дыр-* , *-т-* , *-кыр-* / *-кар-* (архаичные фонетические варианты) / *-ыр-* / *-ар-* (соответствующие им позднейшие фонетические варианты) , *-һәм-* (представленный только при основе *күр-* , ‘видеть’ > *күр-һәм-* , ‘показать’).

В грамматике [Юлдашев 1981: 254-262] башкирские каузативные формы характеризуются как разнородные не только по структуре, но и по продуктивности и значению. Так, высокопродуктивными типами форм оказываются два первых (образованные с помощью аффиксов *-дыр-* и *-т-*), прочие же непродуктивны – сохраняются при основах из ограниченного списка. При этом лишь около 20% употреблений (по данным грамматики) соответствуют определению «понудительного залога», выражая одно из двух возможных значений:

- реальное действие, выполняемое каузатором, непременно направленное на каузируемого; содействие каузатора каузируемому (как в *аша-т-* , ‘кормить’)

- осуществление всего действия самим каузируемым, но по воле, инициативе каузатора (*яз-зыр-* , ‘заставить писать’).

Следует особо отметить, что А. А. Юлдашев склонен своеобразно оценивать формы на предмет наличия в них «понудительности», в частности, он считает одушевленность участников обязательным параметром для осуществления понуждения в настоящем смысле слова. В результате, в числе

«нетипичных употреблений» оказываются такие формы как *аңла-т-* , ‘объяснять’ от *аңла-* , ‘понять’ ; *азар-т-* , ‘белить, чистить’ от *азар-* , ‘белеть, сделаться чистым’ и пр. Иными словами, в центр категории выводятся случаи опосредованной каузации с сохранением у каузируемого части агентивных свойств. Остальные случаи «объединяет лишь то, что они в преобладающем большинстве своего употребления служат грамматически организованным средством превращения непереходных глаголов <...> в переходный, не имеющий отношения к понудительному залогу в общепринятом его понимании» [там же: 254].

Думается, что нет никаких препятствий для объединения конструкций на основании единого процесса повышения актантной деривации, очевидно, действующего во всех упомянутых случаях. Понятие залога, имеющего дело с коммуникативными преобразованиями, в самом деле, терминологически не уместно для объединения всех этих форм.

На периферию по [Юлдашев 1981] попадают также случаи «необратимости» словообразования (во всяком случае, на синхронном уровне) у некоторых форм, в которых наблюдаются каузативные показатели. Производящие основы этих каузативов не могут функционировать в качестве самостоятельной лексической единицы. В пример приводятся пары глаголов, противопоставленных по переходности и содержащих соответствующие аффиксы (каузатива – для отражения переходности, и пассива – для непереходности): *тарат-* , ‘распространять, распускать’ / *тарал-* , ‘распространяться, расходиться’ ; *өйрәт-* , ‘обучать, учить’ / *өйрән-* , ‘обучаться, изучать’ и пр. Очевидно, речь идет об эквиполентной оппозиции глаголов: ни одна подобная форма не является производной для своей пары, таким образом, оба глагола противопоставлены как равноценные члены оппозиции.

Башкирская словоформа может присоединять к себе одновременно несколько маркеров каузатива, повышая свою «степень понудительности» в отношении количества задействованных участников, выражая большую

дистантность – опосредованность – каузации: ср. *яз-* , ‘писать’ ; *яз-зыр-* , ‘заставить писать’ ; *яз-зыр-т-* , ‘заставить заставить писать’ ; и даже *яз-зыр-т-тыр-* , ‘заставить заставить заставить писать’ [Дмитриев 2008: 173]. Теоретически количество присоединяемых аффиксов не ограничивается, но фактически лишь двойной каузатив встречается сколько-нибудь регулярно: дополнительные маркеры требуют особых смысловых условий для появления.

(13) <...> *un-də*   *böt-ör-t-ä-m=dä*
 десять-ACC   закончиться-CAUS-CAUS-PRS-1SG=же
qal-yan-ə-n   *üđ-eged*   *qara-j-həyəđ*
 оставаться-PC.PST-P.3-ACC   сам-P.2PL   смотреть-PRS-2PL

‘...я дам возможность закончить десять [классов], а про остальное сами посмотрите.’

[140719_rsmB_MO_SS_ZhiznOtca.087]

В завершение обзора свойств башкирских каузативных конструкций рассмотрим аргументную структуру каузативов (основываясь на материалах [Перехвальская 2013]). Актантный состав каузатива, образованного от непереходного глагола, представлен каузатором в номинативе (в позиции подлежащего) и каузируемым в аккумулятиве (в позиции прямого дополнения). Во избежание референционного конфликта при образовании каузатива от переходного глагола, уже имеющего при себе прямое дополнение в аккумулятиве, каузируемый может быть выражен дативом (14) или аблативом (15).

(14) *bala*   *besäj-gä*   *höt-tö*   *es-er-ä*
 ребенок   кошка-DAT   молоко-ACC   пить-CAUS-PRS

‘Ребенок поит кошку молоком.’ [Перехвальская 2013: 3]

(15) <...> *aj*   *bənə*   *toto-p*   *al-yan-da,*   *ošo*   *awəl-dəŋ*
 богатый   этот.ACC   держать-CV   брат-PC.PST-LOC   этот   деревня-GEN
keše-lür-nän   *soqor*   *qad-đər-əp*   *taw*   *baš-ə-na* <...>
 человек-PL-ABL   яма   копать-CAUS-CV   гора   голова-P.3-DAT

‘...богач его поймал, заставил жителей деревни выкопать яму на вершине горы...’

[130700_unknown_es_RekaAgzam.004]

При двойной каузативации основной каузируемый оформляется как косвенное дополнение, а подчиненный дистантному каузатор – как инструмент (16).

- (16) *äsä-he bala-hə-nan besäj-gä höt es-er-t-te*
мать-Р.3 ребенок-Р.3-ABL кошка-DAT молоко пить-CAUS-CAUS-PST
‘Мать велела ребенку напоить кошку молоком.’ [Перехвальская 2013]

При невыражении одного из основных участников ситуации аргументная структура может меняться (ср. () и ()).

- (17) *äsä bala-hə-n aša-t-a häm es-er-ä*
мать ребенок-Р.3-ACC есть-CAUS-PRS и пить-CAUS-PRS
‘Мать кормит и поит ребенка.’ [Перехвальская 2013]

II.7 *Каузатив в нанайском языке*

В грамматике указывается, что «побудительный залог» обозначает ситуацию, при которой действительный «субъект вместе со своим действием входит составным подчиненным элементом в действие другого субъекта» [Аврорин 1961: 32-40] – в данном случае идет речь о введении каузирующего партиципанта, то есть о повышающей актантной деривации. При этом нововведенный субъект занимает позицию подлежащего, вытесняя первоначального субъекта в положение прямого дополнения с сопутствующим оформлением его винительным падежом.

- (18) *mapa xaale=daa naj-wa piktə-ku-ži təəri*
медведь когда=PART.EMPH человек-ACC ребёнок-POSS-INS себя.ACC.SG
waa-waan-da-si
убить-CAUS-NEG-NPST

‘Медведица с медвежонком никогда не даст человеку себя убить.’ [Avrorin_1986_42.005]

В результате каузативации каузируемый непременно приобретает аккумулятивное оформление, а объект действия исходного глагола «может быть не только в винительном, но и в назначительном падеже¹» [там же: 34]:

- (19) *Алосимди наонёкам-ба дангаса-го-и*
учитель мальчик-ACC книга-DEST-P.REFL.SG
га-ван-ки-ни
купить-CAUS- PST-3SG
‘Учитель мальчика книгу-себе купить заставил.’

Категория «побудительного залога» отмечается как наиболее продуктивная из всех залогов, представленных в языке (кроме него выделяются «страдательный» и «взаимный» залогов). Для нанайского возможно употребление двух показателей каузатива в словоформе, но одновременное использование трех и более маркеров не отмечается. Основной формант категории – аффикс *-ван-* со своими морфонологическими вариантами (ср. *сиа-* ‘есть’; *сиа-ван-* ‘кормить’).

II.8 Каузатив и поддержание референции в языках трех ветвей

Нельзя сказать, что организация дискурса в рассматриваемых языках исследуется активно. Редко встречаются дискурсивно ориентированные работы, поэтому немногочисленные замечания находятся среди строк, посвященных другим вопросам. Особенно мало информации о дискурсе алтайских языков можно почерпнуть из работ, связанных с каузативными конструкциями. Возвращаясь к занимающей нас проблематике (и приближаясь к ее разработке), отметим некоторые черты рассматриваемых языков, в той или иной степени касающиеся поддержания референции.

---

¹ Назначительный падеж – выделяется В. А. Аврориным в [Аврорин 1959: 179]. Согласно В. А. Аврорину, он выражает:

1) прямое дополнение с указанием предназначенности прямого объекта (если в предложении нет дополнения в винительном падеже и оно не подразумевается): *Ми аг-би дангаса-го-и-ва га-чи-ни* / 1SG старший брат-P.1SG книга-DEST-P.1.SG-ACC купить-PST-3SG / ‘Мой старший брат-мой книгу-для-меня купил’

2) косвенное дополнение назначения (если в предложении имеется прямое дополнение, оформленное винительным падежом): *Мимби-вэ дия-го-и дяпа-ру* / 1SG.ACC-ACC друг-DEST-P.REFL.SG брать-IMP / ‘Меня в товарищи-себе возьми’

Судя по всему, для башкирского языка работы на тему обеспечения связности текста посредством возможностей его глагольных словоформ отсутствуют. Работы, посвященные близкородственным ему тюркским языкам, сосредоточиваются на дискурсивном значении нефинитных (деепричастных) глагольных форм ([Шлуинский 2002], [Кибрик 2003]). Каузативные конструкции в связи со структурированием дискурса не упоминаются. Имплицитное выражение при башкирском каузативном глаголе, характерное для каузируемого участника, отмечается в [Абдуллина 2008], где это обстоятельство объясняется утратой информативной потребности в нем: «его роль приписывается номинальному субъекту действия, представленному как подлежащее» [там же: 11], то есть, каузатору.

Еще более скромное число работ касается вопросов дискурса в тунгусо-маньчжурских языках. Для нанайского языка, вероятно, единственной на настоящий момент специальным исследованием этой области опубликовано в [Файнвейц 2007]. Однако оно посвящено исключительно механизмам переключения референции, что не охватывается настоящим исследованием.

В. А. Аврорин особо оговаривает случаи эллипсиса каузируемого, считая их возможными без смысловых потерь только в том случае, если партиципant уже известен из предыдущего контекста или обстановки речи [Аврорин 1961]. Бесспорно, немотивированный пропуск участника нарушает целостность и законченность предложения, но этой информации недостаточно, чтобы сделать какой-то вывод о специфике аргументов каузативной конструкции.

Возвращаясь к калмыцкому языку, остается только добавить, что тенденции отсутствия партиципантов при глаголе отмечались в статье [Орловская 1999], где для анализа каузативных употреблений привлекались тексты на близкородственном калмыцкому старописьменном монгольском языке. М. Н. Орловская отмечает, что иногда инициатор и реальный

исполнитель действия могут оказаться не эксплицированными при каузативной глагольной форме, «хотя и легко выявляются из предыдущего предложения или ближайшего контекста» [там же: 206]. Увы, вновь не учитываются роли участников в ближайшем контексте. Тем не менее, хотя и не подкрепленные конкретными измерениями, интуитивные представления автора в целом согласуются с результатами изучения калмыцких естественных текстов, отраженными в исследовании [Сай 2009], результаты которого послужили отправным стимулом для настоящей работы.

III. Исследование каузативных конструкций на материале естественных текстов

Представляемое исследование основывается на данных, полученных в результате изучения естественных текстов через анализ сплошной выборки каузативных конструкций в их взаимосвязи с контекстом. Выборка была создана на материале корпусов текстов на башкирском (собраны в экспедициях 2011 – 2015 гг.²) и нанайском (собраны в экспедициях 1930-х – 1940-х гг.³ и 2007 – 2013 гг.⁴) языках. Для сравнения результатов с данными калмыцкого языка привлекаются материалы исследования [Сай 2009].

III.1 Методика анализа

При составлении выборки каузативов для каждого языка из корпусов отгlossированных текстов извлекались все глагольные формы, содержащие каузативные аффиксы. Формы и содержащие их контексты заносились в таблицу, где размечались по ряду параметров, выявляющих свойства не только вершины каузативной конструкции, но и ее аргументов – каузирующего и каузируемого участников ситуации. Параметры разметки можно представить следующим списком:

---

² место: Абзелиловский р-н, д. Рахметово; участники: сотрудники ИЛИ РАН, группа студентов СПбГУ под руководством Е. В. Перехвальской и С. С. Сая

³ материалы В. А. Аврорина

⁴ участники: С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова и К. А. Крапивина

- 1) конкретная форма глагола, содержащая каузативный показатель
- 2) переходность / непереходность исходного глагола, от которого образован данный каузативный глагол
- 3) форма выражения каузатора / каузируемого в данной каузативной конструкции
- 4-5) упомянутость референтов каузатора и каузируемого в предыдущем контексте
- 6-7) синтаксические позиции референтов каузатора и каузируемого при предшествующем упоминании

Поясним значения и назначения этих параметров и продемонстрируем процесс разметки в соответствии с каждым из них.

1. Морфологическая форма каузатива.

Характеристика каузативного глагола по этому параметру состояла в указании того, какую морфологическую форму принимает данный глагол. Так, для примера (20) это финитная форма индикатива настоящего времени.

(20)	<i>olo</i>	<i>qad-ət</i>	<i>Beloret-tä</i>	<i>gimnazija-la</i>	<i>bašqort</i>
	старший	девочка-P.1SG	Белорецк-LOC	гимназия-LOC	башкир
	<i>tele-n-en</i>	<i>uqat-a</i>			
	язык-P.3-ABL	читать-CAUS-PRS			

‘Старшая дочь преподает башкирский язык в Белорецке в гимназии’.

[110704_rmm_M_Semja.007]

Теоретически разнообразие возможностей оформления каузативного глагола соответствует полному спектру глагольных форм в системе языка.

2. Переходность и непереходность исходного глагола.

Этот параметр касается свойств того глагола, который послужил основой для образования наблюдаемого каузатива.

(21)	<i>əj</i>	<i>tuj</i>	<i>ta-ra=tani</i>	<i>puril-bi</i>
	этот	так	делать-CVB.NSIM=a	дети-P.REFL.SG
	<i>darama-du-j</i>	<i>tad-wən-də</i>		
	спина-DAT-P.REFL.SG	садиться-CAUS-CVB.NSIM		

‘И тогда своих детей посадил себе на спину’.

[znb_110821_so_LegendaTigrPraroditeljXalat.008]

В приведенном примере нанайский каузатив *tə-wən-* образован от непереходного глагола *təə-*.

3. Выражение каузирующего / каузируемого участника в конструкции.

При описании особенностей выражения каузативного аргумента прослеживаются две взаимоисключающие возможности: «участник выражен в конструкции» и «участник не выражен в конструкции». Вторая возможность реализована в примере (22) из башкирского, где в конструкции не выражены ни каузатор, ни каузируемый.

- (22) *tart-a-lar*   *tart-a-lar*   *tart-əp*   *səy-ar-a*
тянуть-PRS-PL   тянуть-PRS-PL   тянуть-CV   **выходить-CAUS-CV.IPFV**
al-ma-j-ǰar
брать-NEG-PRS-PL

‘Тянут, тянут, вытащить не могут’. [110715_ldn_V_M_SkazkaORepke.010]

Если участник выражен, то указывается конкретная форма его выражения. Повторим, что для каузатора как в башкирском, так и в нанайском возможность выражения в конструкции ограничивается формой номинатива, соответствующей позиции подлежащего, которую он автоматически занимает.

- (23) *Ul*   *Mindäk-tä*   *altən*   *priiskə-hə*   *as-tər-yan*
тот   Миндяк-LOC   золото   прииск-Р.3   **открывать-CAUS-PC.PST**

‘С его помощью были открыты золотые прииски в Миндяково (букв.: Он способствовал...)’. [110721_gaj_kh_IstoriyaRaxmetovo.064]

Каузируемый участник в нанайском маркируется аккузативом.

- (24) *sənə-rə*   *gə*   *təj*   *bəjə*
просыпаться-CVB.NSIM   ну   тот   **тело**
ele-go-aŋ-kəči-m'   *mutə-ə-s'*
стоять-REP-CAUS-IMIT-CVB.SIM.SG   мочь-NEG-NPST

Проснулся, а тело приподнять не может. [ssb_120809_ns_SonnyjMaljchik.055-054]

В башкирском, в зависимости от степени заполнения валентностей каузатива, он может оформляться аккузативом или дативом / аблативом (например, если позиция аккузатива занята).

(25) *häm beđ ul qorban-də mäset-tä ešlä-gän-där-gü*
и мы тот жертва-ACC мечеть-LOC работать-PC.PST-PL-DAT

aša-t-tə-q

есть-CAUS-PST-1PL

‘И этой жертвой мы также накормили работающих на [строительстве] мечети’.

[130706_rmm_EV_Ramadan.059]

4-5. Упомянутость каузатора / каузируемого участника в предыдущем контексте.

На этапе обращения к контексту предполагается измерение референциального расстояния по методу Т. Гивона. Исчисляется дистанция в клаузах между партиципантом каузативного глагола и предыдущим упоминанием в тексте соответствующего ему референта. Рассмотрим, как рассчитывается референциальное расстояние, в примере из нанайского языка:

(26) *tyj ambaan piktə-wə-ni žapa-go-raa əəwu-xə-ni*
тот тигр ребёнок-ACC-3SG братъ-REP-CVB.NSIM нести-PST-3SG
aonga-la-l *ese-go-raa* *tyj žuər-l*
шалаш-LOC-P.REFL.SG добираться-REP-CVB.NSIM тот два-P.REFL.SG
ambaan piktə-wə-ni mən-ži-l gəsə
тигр ребёнок-ACC-3SG сам-INS-P.REFL.SG вместе
aa-wa-mi uži-mi dəruu-xə-ni
спать-CAUS-CVB.SIM.SG воспитывать-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG

‘Он [старик] взял этих тигрят и унес. Добрался до шалаша, этих двух тигрят уложил спать рядом с собой, стал растить их’. [Avgorin_1986_38.021-022]

Важно иметь в виду, что появление в качестве актанта не предполагает непременного эксплицитного выражения участника, что наблюдается, в частности, в случае эллипсиса аргументов каузативного глагола (как в

примере (22)), поэтому следует ориентироваться на синтаксические позиции в клаузах. Сначала рассчитаем референциальное расстояние для каузатора в клаузе с вершиной *aa-wa-mi* ('уложил спать'), которым является 'старик'. Перемещаясь влево по тексту, находим, что тот же самый 'старик', референт каузатора, занимает позицию подлежащего в непосредственно предшествующей клаузе с вершиной *ese-go-raa* ('добрался'). Расстояние до этой клаузы равно единице. Аналогичным образом можно рассчитать референциальное расстояние для референта 'двое тигрят', занимающего позицию каузируемого в каузативной клаузе. В предыдущей клаузе они не упоминаются, зато имплицитно присутствуют сразу за ней – в качестве прямого дополнения при глаголе *əwui-xə-ni* ('нести'). Мы миновали 2 клаузы, прежде чем встретили это упоминание, поэтому референциальное расстояние для каузируемого будет 2.

В нашем анализе учет расстояния ограничивается 5 клаузами из левого контекста, в отличие от предлагаемых Т. Гивоном 20: если дистанция между употреблениями превышает 5 клауз, считается, что участник не упоминался в предыдущем контексте. Это сокращение потенциального расстояния обусловлено задачами исследования: поддержание референции подразумевает фигурирование участника в ближайшем контексте, поэтому большой разрыв, обычно заполненный отсылками к другим референтам, и полное отсутствие референта в равной степени свидетельствуют о смене перспективы говорящего.

6-7. Синтаксическая позиция участника при последнем упоминании в тексте.

Последний параметр списка непосредственно связан с предыдущим, дополняет его информацией о том, какая именно синтаксическая позиция соответствует последнему упоминанию референта в предшествующем контексте. Помимо приведенных в примере (26) подлежащего и прямого дополнения, участник может занимать косвенную позицию, обобщающую все роли, отличные от указанных главных (см., например, роль косвенного дополнения в (27)).

(27) *Moxämät päjyämbär-gä xəbär kil-ä, ul Qörʔän*
 Мухаммед пророк-DAT новость приходит-PRS тот Коран
kitab-ə-n jað-ðar-a
 книга-Р.З-ACC писать-CAUS-PRS

‘Пророку Мухаммеду приходит весть, Он велит ему писать книгу Корана’.

[130706_rmm_EV_Ramadan.025]

Обозначение последней синтаксической роли позволяет, в частности, сравнить прежнюю роль с воплощенной в каузативной клаузе, проследить, претерпела ли эта роль изменения, и уточнить направление изменений (например, от подлежащего к прямому дополнению).

Поскольку в работе проверялась, помимо прочего, связь между эксплицитностью выражения участника в каузативной клаузе (устанавливается параметром 3) и особенностями последнего упоминания соответствующего ему референта (устанавливаются параметрами 4 и 5), дополнительно отмечались случаи, когда каузатор / каузируемый:

- является участником речевого акта (значит, его референт определен ситуацией вне зависимости от эксплицитного выражения) (в примере (28) каузатор – участник речевого акта)

(нанайский)

(28) *gə tata-ni un-ži-ni gə ii-wu-gu-u-su*
 ну старуха-3SG сказать-NPST-3SG ну входит-CAUS-REP-IMP-2PL

‘Жена говорит: "Ну, заносите его домой!"’. [nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.059]

- является обобщенно-личным референтом (значит, его референт в принципе не восстанавливается определенно) (см. пример (29) с обобщенно-личным каузируемым участником)

(29) *Ul Mindäk-tä altən priiskə-hə as-tər-yan*
 тот Миндяк-LOC золото прииск-Р.З открывать-CAUS-PC.PST

‘С его помощью были открыты золотые прииски в Миндяково (букв.: Он способствовал...)’. [110721_gaj_kh_IstoriyaRaxmetovo.064]

III.2 Каузативные конструкции в башкирском естественном тексте

При формировании выборки башкирских каузативов было установлено, что в общее число каузативов (282) входят такие словоформы, которые не являются вершинами клауз, содержащих каузативные конструкции. Поскольку предпринятое исследование направлено на изучение свойств и аргументной структуры именно каузативных конструкций, было решено исключить из выборки формы, не позволяющие осуществить этот анализ. В частности, были удалены следующие формы.

1) Пассивы, образованные от каузативов (8).

- (30) *bar-əp*   *qara-ha-m*   *täðrä*   *əsqən-där-əl-yan*
идти-CV   смотреть-COND-1SG   окно   срываться-CAUS-PASS-PC.PST
‘Когда я пошел посмотреть через окно, окно оказалось сорвано’.
[130715_bbm_EV_txtBA_KrazhaVMagazine.010]

Присоединение к каузативной форме пассивного показателя меняет отношения участников, устанавливаемые каузативной формой: каузируемый возвращается в позицию подлежащего, каузатор устраняется. В результате каузативная структура скрывается под новой преобразующей структурой.

2) Отглагольные номинализации (29).

- (31) *ös*   *jəl*   *Ayidel*   *hawəq-tər-əw*   *lager-ə-nda*
три   год   Агидель   выздоравливать-CAUS-NMLZ   лагерь-P.3-LOC
pionervožataj   *bul-əp*   *ešlä-ne-m,*   *ölkän*   *pionervožataj*
пионервожатый   быть-CV   работать-PST-1SG   большой пионервожатый
‘Три года я работала пионервожатой, старшей пионервожатой, в оздоровительном лагере "Агидель".’ [140707_lba_VG_ORaboteSDetmi.001]

Самое распространенное отглагольное имя, содержащее каузативный суффикс, – сильно лексикализованная форма *uqə-t-əw-sə* / читать-CAUS-NMLZ-AG-P.3 / ‘учитель’(22)). При субстантивации каузатор маскируется и вся конструкция (глагольная вершина с аргументами) оказывается видоизмененной.

3) 1 случай образования формы относительного прилагательного, обозначающего результат действия, названного основой.

4) Некоторые странные появления каузатива, в которых каузативная структура не усматривалась вопреки наличию морфологического показателя.

(32) *sabata ošolaj=yəna. sabata səbarla-t-a*

лапоть так=только лапоть быть.пестрым-CAUS-PRS

‘Лапти воот такие (маленькие). Лапти пестрят’.

[140710_ggs_MO_SS_KakVyxodilaZamuzhlZhizn.020-021]

Информант, помогавший разбирать этот башкирский текст, был уверен в правильности записи, но не мог интерпретировать фразу. Больше всего это похоже на какую-то присказку, может, звуковую игру, но совсем не на употребление каузативной конструкции.

240 оставшихся форм составили рабочую выборку башкирских каузативных конструкций, которые были размечены в соответствии с перечнем параметров, приведенным в п. III.1. Результаты анализа строения и функционирования каузативных конструкций в башкирском языке представляются в таблицах. Первая из них демонстрирует распределение каузативов по системе глагольных форм.

Таблица 1

	каузативные глаголы	все глагольные формы	доля каузативных глаголов
дезидеративы	1	1	100,0%
формы «зоны императива»	8	97	8,2%
финитные формы индикатива	112	1753	6,4%
причастия	47	836	5,6%
деепричастия	61	1194	5,1%
инфинитивы	8	165	4,8%
формы кондиционалиса	3	96	3,1%
всего	240	4142	5,8%

Доля (5,8%), которую каузативные глаголы составляют от общего числа глагольных форм, встреченных в текстах, отражает высокую продуктивность категории в башкирском языке. В целом, форма каузатива довольно

равномерно распределена по системе, не обнаруживая выраженных предпочтений проявляться в сочетании с определенными глагольными формами. Небольшое превосходство наблюдается в отношении императивных глаголов. Единственное появление каузативной формы в дезидеративе приходится на контекст разносубъектного желания, который упоминался в п. II.2 в качестве обязательного контекста появления каузатива для чувашского и калмыцкого языков.

- (33) *häm beđ-ðe səq-qas, ular kem bəl-əw-əyəd-ðə,*
и мы-ACC выходить-CV.ANT тот.PL кто этот-NMLZ-P.2PL-ACC
heđ Azerbajžan keše-lär-e tip beđ-gä
вы Азербайджан человек-PL-P.3 сказать.CV мы-DAT
bäjlän-ep, beđ-gä qurq-ət-maqsə bul-əp <...>
придираться-CV мы-DAT бояться-CAUS-DESID быть-CV

‘И когда мы вышли, они пристали к нам, типа "вы кто такие, вы азербайджанцы", хотели нас напугать...’ [140716_iliB_SS_MezhnacionalnyeOtnoshenija.019]

Другое свойство каузативного глагола, которое можно установить по выборке, касается переходности глагола, послужившего исходным при его образовании.

Таблица 2

	количество каузативов	количество двойных каузативов
исходные переходные глаголы	81	–
исходные непереходные глаголы	159	2

Формы, образованные от непереходных глаголов, численно почти вдвое превышают формы, образованные от переходных. Это свойство вписывается в общую типологическую картину: в системе конкретного языка каузатив может вовсе не присоединяться к переходным глаголам, и наоборот, присоединение к непереходным глаголам для него в высшей степени характерно [Недялков, Сильницкий 1969b]. В текстах зафиксированы и случаи употребления двойного каузатива от непереходного глагола:

- (34) *šuya arna-p Jaŋə Balapan-dan İsmöhämät Mərdaqajev*

оттого посвящать –CV   новый Балапаново-ABL   Ишмохамет Мырдакаев
ti-gän   *säsän-dän*   *üđ-e-nä*   *šul jər*
 говорить-PC.PST   сочинитель-ABL   сам-Р.3-DAT   тот   песня
səy-ər-tər-yan   *inde*
выходить-CAUS-CAUS-PC.PST   же

‘Поэтому он **заказал (написать)** сочинителю по имени Ишмохамет Мырдакаев из деревни Новобалапаево песню для себя’. [110715_bbm_text_sibaj-kanton.013]

Анализ партиципантов каузатива потребовал дополнительной корректировки выборки, потому что не во всех случаях удавалось установить, какой референт соответствует данному участнику конструкции.

В 3 случаях неясность коснулась в равной степени каузатора и каузируемого участника, один из них представлен примером ( ).

(35) *šunan*   *saq ujanəp*   *kit-te-m*   **vom, ä*
 тот.ABL   время просыпаться –CV   уходить-PST-1SG   *вот а
nej top it-ter-ep   *iđän-gä*   *töš-kän-e*
 это   звон   **делать-CAUS-CV**   пол-DAT   спускаться-PC.PST-Р.3
hiđel-de
 чувствовать-PASS-PST

‘Потом кое-как проснулась, и послышался звук как будто что-то упало на пол’.

[140719_mfsB_MO_SS_DomovojVShkoleIDoma.067]

В данной конструкции невозможно восстановить референтов участников каузативной конструкции, хотя наличие самой конструкции несомненно.

Дело в том, что появление формы *itterep* в башкирском языке тесно связано с отношением каузации. Смотри, например, случаи ( ) и ( ), где эта форма берет на себя функцию вспомогательного глагола для выражения абстрактного каузативного значения.

(36) *šan fotolarə,*   *atestatənəŋ*   *kserokopijahən*
 потом фотография-PL-Р.3   аттестат-Р.3-GEN   ксерокопия-Р.3-ACC
*заверять   *it-ter-ep*   *al-əyəd*

заверять   **делать-CAUS-CV**   **брать-2PL**

‘Потом фотографии, копию аттестата **заверяйте**’.

[110700_rtk_rrg_dm_mf_dialogue_about_certificates.017]

- (37) *я   *обычно   *nej-dä*   *arqa-la*   *joqla-j-ät,*   *joqla-p*
*я   *обычно   это-LOC   спина-LOC   спать-PRS-1SG   спать –CV
jat-a   *ine-m*   *täna, ður*   *besäj*   *прыгнула
лежать-CV.IPFV   быть.PST-1SG   вот   большой   кошка *прыгнула
*вот   *здесь *inde*   *и   *душит   *прямо   *nej-dän.*   *nəq*
*вот   *здесь уже   *и   *душит   *прямо   это-ABL   очень
it-ter-ep   *inde*   *tən*   *al-ər-ya*   *bir-mä-j*
делать-CAUS-CV   уже   дыхание   брать-POT-DAT   давать-NEG-PRS
qar~qara   *besäj*
INTENS~черный   кошка

‘Я обычно на этой, на спине лежу, вот так я лежала, большая кошка прыгнула вот здесь вот и **душит** прямо. Очень сильно так **делает** (душит), вот не дает дышать, черная-пречерная кошка’. [140719_mfsB_MO_SS_DomovojVShkoleIDoma.048-049]

В примере (37) информант забывает, как выразить определенное значение на башкирском языке, и сначала использует русский эквивалент, а затем подкрепляет его выражением некоего абстрактного, собственно каузативного значения, с помощью преобразования основы *it-*, ‘делать’. Интересно, что, забывая конкретную лексему для выражения смысла «душить», ощущение отношений каузации в описываемой ситуации принуждает информанта выразить каузативное значение несмотря на невыраженность основного лексического значения.

В силу своего прямого значения форма *itep*, от которой в данном случае образован каузатив, может использоваться для выражения смысла «действия вообще» (как в примере (38)).

- (38) *Här*   *waqät*   *höžüm*   *it-ep*   *tor-yan-dar*
каждый   время нападение   делать-CV   стоять-PC.PST-PL
‘Все время **совершали набеги**’. [110721_gaj_kh_IstoriyaRaxmetovo.016]

Употребление формы *itep*, осложненной каузативным показателем, уточняет характер «действия вообще» до «каузации вообще», что и происходит в примерах (36) и (37).

Особая сложность каузативных конструкций башкирского языка проявилась в отношении каузируемого участника. В ряде случаев было невозможно, ограничиваясь данными текстов, установить, на кого направлена каузация (23). Примеры аналогичны друг другу по сути, поэтому для показательности будет достаточно нескольких.

- (39) *kil-ä*, *išek-te* ***tuqalda-t-a*** *inde: "qəð-ðar nišläp*
 приходит-PRS дверь-ACC **стучать-CAUS-PRS** уже девочка-PL что
joqla-ma-j-həyəð?" *tej*
 спать-NEG-PRS-2PL сказать.PRS

‘Она пришла, **постучала** в дверь и спросила: "Девочки, почему не спите?"’.

[140707_lba_VG_Obshchezhitie.015]

При интерпретации референции каузируемого возникает неоднозначность: происходит воздействие непосредственно на дверь, в результате чего возникает звук стука, или каузируется объект, в свою очередь, воздействующий на дверь? В словаре [Ахмеров 1958: 550] для *tuqalda-* приводится значение ‘стучать чем’, а для *tuqaldat-* – ‘стучать обо что’, но это управление не проясняет ролевую структуру ситуации. Аналогичная проблема возникает при интерпретации примера (40): остается неясным направление каузации (‘стог сена’, средства ‘обвязывания’ и ‘подпираания’ или обобщенно-личный референт: ‘воздействовали так, чтобы стог был обвязан’).

- (40) *bəlar* *küp* *ujla-p* *tor-ma-yan-dar* *käbän taş-tə*
 этот.PL много думать-CV стоять-NEG-PC.PST-PL стог камень-ACC
ura-t-əp *bäjlä-p* ***terä-t-ep***
обвязывать-CAUS-CV связывать-CV **подпирать-CAUS-CV**
quj-yan-dar
 ставить-PC.PST-PL

‘Они, долго не думая, подвязали стог сена’. [110716_bbm_text_aslay.008]

Во всех подобных случаях требуется дополнительное изучение функционирования исходных и производных (каузативных) форм, установление закономерностей выбора каждой из них в определенном контексте. В данной работе эти употребления вынужденно исключаются, чтобы избежать потенциального искажения статистики.

Итак, в результате невозможности установления референции партиципантов некоторых каузативных конструкций выборка была сокращена до 237 употреблений – для каузатора, и до 214 – для каузируемого. Обратимся сначала к характеристике участников по параметру их выраженности в конструкции.

Таблица 3

	каузатор	каузируемый
не выражен эксплицитно	163	106
номинатив	74	
аккузатив		97
датив		8
инструменталис		3
всего	237	214

Каузатор оказывается в большинстве случаев (69%) не выражен эксплицитно, каузируемый участник появляется и не появляется в конструкции в почти равном числе случаев. В текстах встречаются все ранее отмеченные возможности его оформления (аккузативом, дативом и инструменталисом), но преимущество остается за аккузативным. Отчасти это последнее обстоятельство можно объяснить количественным преобладанием каузативных форм, актантная структура которых содержит только двух участников (имеются в виду недвойные каузативы от непереходных глаголов) – в этом случае маркирование каузируемого будет почти всегда аккузативным.

Изучение контекста, предшествующего появлению каузативной конструкции, позволило наблюдать взаимосвязи между позицией участника конструкции и позицией соответствующего референта, которую он занимал

при своем последнем упоминании. Результаты измерения референциального расстояния с указанием последней позиции референта представлены в таблицах 4 (для каузирующего участника) и 5 (для каузируемого).

Таблица 4 : каузатор

расстояние	случаев	синтаксическая позиция при последнем упоминании	
		<u>подлежащее</u>	<u>иная</u>
1	134	119	15
2-5	36	24	12
*	67		
всего	237	143	27

Таблица 5 : каузируемый участник

расстояние	случаев	синтаксическая позиция при последнем упоминании		
		<u>подлежащее</u>	<u>прямое дополнение</u>	<u>иная</u>
1	85	26	45	14
2-5	34	6	20	8
*	95			
всего	214	32	65	22

Можно видеть, что в большинстве случаев (170, 72%) референт каузатора уже фигурировал в тексте в рамках ближайших 5 клауз, причем в 60% случаев занимал позицию подлежащего. Если ограничивать обзор непосредственно предшествующим контекстом (расстояние в одну клаузу), можно заметить, что при наличии референта каузатора в предыдущей клаузе, в 89% случаев он оказывается в роли подлежащего. Все это свидетельствует не только о топикальности каузатора, но и о тенденции сохранять позицию, заданную предшествующим повествованием.

Положение каузируемого не столь прозрачно. В 95 случаях (44% всех употреблений) он представляет референта, который не упоминался в ближайшем контексте, что свидетельствует о меньшей топикальности по сравнению с каузатором. Кроме того, другие 26% употреблений составляют случаи, когда прежняя позиция референта не совпадает с позицией прямого дополнения, занимаемой каузируемым участником в конструкции. Таким

образом, лишь 30% остаются на долю совпадения предыдущей синтаксической функции референта каузируемого с его функцией в каузативной конструкции.

При наличии упомянутого референта в предшествующем контексте, с 55% вероятностью им оказывается прямое дополнение, поэтому небольшая связь между функциями все же прослеживается.

Проверим наличие связи между тем, какую роль референт каузируемого участника занимал ранее, и тем, как он выражен в данной каузативной клаузе.

Таблица 6

	эксплицитное выражение	имплицитное выражение
прямое дополнение	20 (31%)	45 (69%)
косвенные позиции	10 (45%)	12 (55%)
подлежащее	16 (50%)	16 (50%)
не упоминается в левом контексте	62 (65%)	33 (35%)
всего	108	106

Благодаря сопоставлению данных об эксплицитности участника с данными о прежней синтаксической позиции его референта можно проследить некоторые связи между этими параметрами.

1) Предпочитается имплицитное выражение участника, если в дискурсе он в последний раз упоминается в позиции прямого дополнения.

2) Предпочитается эксплицитное выражение участника, если в предшествующем дискурсе соответствующий референт не упоминается.

При этом тенденция 2 является очень распространенной, тенденция 1 – более специфичной, поэтому особенно подчеркивает топикальность каузируемого.

III.3 *Каузативные конструкции в нанайском естественном тексте*

Выборка, полученная в результате обработки нанайских текстов, содержит 73 каузативные конструкции. Распределение каузативных глаголов по различным грамматическим формам представлено в таблице 7.

Таблица 7

	Каузативные глаголы	Все глагольные формы	Доля каузативных глаголов
Императивные формы	2	75	2,7%
Причастия	58	2869	2%
Деепричастия	11	890	1,2%
Финитные формы индикатива	0	155	0%
Формы субъюнктива	0	2	0%
Всего	73⁵	3991	1,8%

Общая доля каузативных глаголов в нанайских текстах составляет всего 1,8%. Все употребления распределяются между тремя группами глагольных форм, среди которых следует обратить особое внимание на класс так называемых причастий и финитных форм индикатива и учесть специфику организации этих классов в нанайском языке.

Нанайское «причастие» может употребляться субстантивно, атрибутивно и предикативно, благодаря чему является самой частотной глагольной формой. Это обеспечивает особенность нанайского причастия: оно может возглавлять как нефинитную, так и финитную клаузу. Наиболее активно используется причастие в качестве вершины независимого предложения, выполняя функцию обычных финитных форм: 56 из 58 случаев употребления каузативного глагола в форме причастия являются именно предикативными, финитными употреблениями причастия, как в примере (41) (ср. с нефинитным употреблением (42)).

⁵В общее число употреблений входят также 2 каузатива (а) и (b), которые оказываются не оформленными. Всего в текстах встречено 5 таких употреблений. Видимо, нанайские глаголы редко функционируют в виде чистой основы, поэтому такая возможность их появления не описывается.

- (a) *mii waajča-ko-i maikpo-an=daa*
 1SG убивать.IPFV-REP-NPST испортиться-CAUS=PART.EMPH
ta-xam-bi
 делать-PST-1SG
 ‘Я сделал плохо, что убил [собаку]’. [Avrorin_1986_38.199]
- (b) *totaraa тэри мэргэн осе-ан=даа*
 тогда себя.ACC.SG мерген становится-CAUS=PART.EMPH
žari-mi dəruu-xə-ni
 петь-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG
 ‘Тогда, представив себя мергеном, стал петь’. [Avrorin_1986_38.219]

- (41) *enda* *xəm ča-ži* *urə-wən-ži* *sea-wan-ži*
 собака все этот-INS **расти-CAUS-NPST** **есть-CAUS-NPST**
enda-sal masi bi-či-či=go
 собака-PL сильный быть-PST-3PL=PART
 ‘Всех собак этим **растили**, **кормили**, собаки сильные были’.
 [lkb_110822_ns_Muxu.070]

- (42) *i daan'a=tani təj enda-wa paace-li-ni=go enda*
 и бабушка=a тот собака-OBL ударять-PFV.NPST-3SG=PART собака
tutu-j ele-wan-ži-du-j=da
 бежать-NPST **стоять-CAUS-NPST-DAT-P.REFL.SG=PART.EMPH**
kaori-ni=go
 задерживать.NPST-3SG=PART
 ‘И бабушка моя этих... собак... погоняет (ударяет), собаки бегут. **Останавливая**, тормозит...’ [lkb_110822_ns_Muxu.063-064]

Глагольные формы, по значению и функции наиболее близкие к индикативу⁶ в традиционном его понимании (пример (43)), ограничены по употребительности в нанайском языке. Именно они ни разу не встречены в форме каузатива.

- (43) *sələ-mə tətua-či muə-či səmm*
 железо-ADJ одежда-3PL вода-DIR с дырами
ii-žə-rəə-l
входить-FUT-ASSERT.NPST-V.3PL
 ‘Их железная одежда с дырами в воду **пойдет**’. [Avrorin_1986_40.103]

Таким образом, нельзя сделать вывод, что каузативы избегают финитных клауз: напротив, каузативные формы активно употребляются в качестве вершин независимых клауз, но в составе форм так называемого причастия, которое охватывает более широкий спектр функций, чем это обычно от него ожидается.

⁶В. А. Аврорин считает, что эти глаголы являются формами не изъявительного, а особого утвердительного наклонения, характеризуемого наличием модального оттенка утверждения. Роль выразителей значения изъявительного наклонения целиком возлагается им на причастия. [Аврорин 1961]

Более привычное распределение наблюдается в отношении параметра переходности: по данным таблицы 8 можно сделать вывод о преобладании в нанайском каузативов, образованных от непереходных глаголов.

Таблица 8

	количество каузативных глаголов
исходные переходные глаголы	25
исходные непереходные глаголы	48

Стоит отметить, что не было встречено ни одного двойного каузатива, хотя его образование в нанайском грамматически возможно.

Несмотря на невысокую продуктивность каузативного показателя и, следовательно, небольшой размер выборки каузативов, свойства партиципантов нанайской каузативной конструкции прослеживаются довольно отчетливо.

В таблице 9 указаны случаи эксплицитного и имплицитного выражения участников в конструкции.

Таблица 9

	Каузатор	Каузируемый
Не выражен эксплицитно	63	37
Номинатив	10	
Аккузатив		36
Всего	73	73

Можно ясно увидеть тенденцию контекстного опущения каузатора – он не выражен в 86% случаев. В поведении каузируемого участника не наблюдается никаких тенденций, поскольку вероятности выраженности и эллипсиса для него практически одинаковы.

Для более полной характеристики участников рассмотрим, в какой степени их позиции в конструкции связаны с условиями, заданными предшествующим контекстом.

Таблица 10 : каузатор

Расстояние	Случаев	Синтаксическая позиция при последнем упоминании	
		Подлежащее	Иная
1	42	41	1

2-5	22	21	1
*	9		
Всего	73	62	2

В отношении каузатора следует заметить, что его референт очень часто (в 88% случаев) уже введен в структуру повествования предшествующим контекстом, при этом почти всегда функционирует в качестве подлежащего (97% употреблений). Случаи введения нового референта гораздо более редки (составляют всего 12%).

Синтаксическое положение каузируемого тоже взаимосвязано с проявлением его референта в предыдущем контексте, хотя эта связь и более слабая.

Таблица 11 : каузируемый

Расстояние	Случаев	Синтаксическая позиция при последнем упоминании		
		Подлежащее	Прямое дополнение	Иная
1	30	8	20	2
2-5	23	9	11	3
*	20			
Всего	73	17	31	5

Каузируемый участник вновь уступает каузатору в топиальности: случаи, когда он вводит в повествование нового участника, составляют 27% всех употреблений. Если же референт каузируемого упоминался ранее, в 59% случаев он исполняет роль прямого дополнения – соответствующую его роли в каузативной конструкции. Проследим, какой способ выражения избирается каузируемым участником, в зависимости от наличия и позиции его референта в предыдущих клаузах.

Таблица 12 : каузируемый

	Эксплицитное выражение	Имплицитное выражение
Прямое дополнение	8 (26%)	23 (74%)
Косвенные позиции	2 (40%)	3 (60%)
Подлежащее	12 (71%)	5 (29%)
Не упоминается в	15 (75%)	5 (25%)

левом контексте		
Всего	37	36

В общей схеме поведения каузируемого участника присутствуют очевидные тенденции. Так, упомянутость его референта в роли прямого дополнения коррелирует с имплицитным выражением каузируемого в каузативной конструкции. Отсутствие референта в предшествующем контексте, напротив, провоцирует эксплицитное название участника. Такой же эффект эксплицитности вызывается резкой сменой положения участника – перемещением из привилегированной позиции подлежащего в позицию прямого дополнения, которая диктуется участнику каузативной конструкцией.

Можно заключить, что в нанайском дискурсе проявляются взаимосвязи между положением участников каузативной конструкции и функционированием их референтов в предыдущем контексте. Каузатор предпочитает дублировать роль референта соседних клауз, при этом часто опускается в конструкции. Каузируемый участник демонстрирует несколько стратегий поведения в зависимости от условий предшествующего контекста. Если помещение референта в каузативную клаузу сопровождается понижением синтаксического ранга по сравнению с предыдущим положением, а также если референт появляется в каузативной клаузе впервые, то его выражение будет эксплицитным. Если при помещении в каузативную клаузу прежняя роль референта сохраняется, то предпочтительным является имплицитное выражение.

III.4 Сравнение полученных данных с данными калмыцкого языка

Для формирования окончательных выводов сопоставим свойства каузативных конструкций, выявленные для башкирского и нанайского языков, со свойствами каузативных конструкций калмыцкого языка (основываясь на материалах [Сай 2009]). Будем следовать уже устоявшейся в

этой работе очередности параметров и для начала сосредоточимся на глагольной вершине каузативной конструкции.

1. Каузативные глаголы в системе грамматических форм.

Сравним распределения каузативов по глагольным системам трех языков.

Таблица 13

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Деепричастия	5,5%	5,1%	1,2%
Причастия	5,2%	5,6%	2,0%
Формы «зоны императива»	14,1%	8,2%	2,7%
Финитные формы индикатива	1,5%	6,4%	0%
Общая частотность	4,5%	5,8%	1,8%

Общая употребительность каузатива варьирует по языкам: значительно уступает остальным доля каузативов в нанайских текстах, затем по распространенности следуют калмыцкие каузативы, а самая высокая – частотность башкирского каузатива.

Калмыцкий каузатив очень редко встречается в составе финитных форм. В остальных языках распределение, в целом, равномерное (при учете специфики нанайских причастий, которые выполняют функцию, традиционно возлагаемую на финитные формы индикатива – см. п. III.3).

Во всех языках наблюдается подъем употребления в каузативе императивных глаголов, но наиболее ярко это проявляется в калмыцком языке.

2. Переходность исходного глагола.

Таблица 14

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Каузативы от переходных глаголов	25 (20%)	82 (34%)	25 (34%)
Каузативы от непереходных глаголов	102	158	48

Общая тенденция образования каузативных форм преимущественно от непереходных глаголов разделяется, безусловно, всеми языками. Можно отметить лишь то, что в калмыцком языке преобладание исходных непереходных глаголов выступает особенно явно.

3. Эксплицитность партиципантов каузативной конструкции.

Обращаясь к характеристике каузирующего и каузируемого участников, проследим регулярность их выражения в конструкции (таблица _ представляет количество случаев, а таблица _ – их процентное соотношение).

Таблица 15

	Калмыцкий		Башкирский		Нанайский	
	Каузатор	Каузируемый	Каузатор	Каузируемый	Каузатор	Каузируемый
Не выражен эксплицитно	101	62	163	108	63	37
Выражен эксплицитно	26	65	74	106	10	36

Таблица 16

	Калмыцкий		Башкирский		Нанайский	
	Каузатор	Каузируемый	Каузатор	Каузируемый	Каузатор	Каузируемый
Не выражен эксплицитно	80%	49%	69%	50%	86%	51%
Выражен эксплицитно	20%	51%	31%	50%	14%	49%

В трех языках обнаруживается склонность каузатора к имплицитности: сильнее всего она выражена в нанайском, немногим меньше – в калмыцком и слабее всего – в башкирском, но и в нем остается очевидной. Каузируемые участники в равной степени допускают оба варианта выражения.

4. Упомянутость референта каузатора в предшествующем контексте и его синтаксические позиции.

Переходя к рассмотрению каузативной конструкции в контексте ее употребления, ограничимся наиболее выдающимися из наблюдаемых закономерностей.

В таблице 17 представлено распределение всех употреблений каузатора в зависимости от его референциального расстояния.

Таблица 17

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Референт упомянут на расстоянии 1 клаузы	81	134	42
Референт упомянут на расстоянии 2-5 клауз	23	36	22
Референт упомянут на расстоянии более 5 клауз или не упомянут	23 (18%)	67 (28%)	9 (12%)
Всего употреблений	127	237	73

Таблица 18 включает лишь те случаи, когда референт каузатора фигурирует в предшествующем контексте в роли подлежащего.

Таблица 18 : подлежащее

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Референт выступает в роли подлежащего на расстоянии 1 клаузы	69 (66%)	119 (70%)	41 (64%)
Референт выступает в роли подлежащего на расстоянии 2-5 клауз	21	24	21
Референт упомянут в предшествующем контексте	104	170	64

Можно видеть, что во всех языках каузатору одинаково не свойственно реферировать к участнику, который ранее не был упомянут в тексте, особенно этих случаев избегает нанайский язык.

Когда референт каузатора упоминается в предыдущем контексте, в подавляющем большинстве случаев он занимает позицию подлежащего, идентичную его позиции в каузативной клаузе. Наиболее характерна его приверженность этой позиции – в нанайском языке, 97%. Более того, чаще всего каузатор представляет референта, фигурирующего в роли подлежащего в непосредственно предшествующей клаузе.

Совокупность этих черт позволяет сделать вывод о ярко выраженной топиальности каузатора во всех трех языках, несомненного осуществления им поддержания референции в тексте.

5. Упомянутость референта каузируемого участника в предшествующем контексте и его синтаксические позиции.

Сходным образом можно описать референциальные расстояния всех употреблений каузируемого участника (таблица 19) и синтаксические позиции его референта при последнем упоминании (таблица 20).

Таблица 19

	Калмыцкий	Башкирски й	Нанайский
Референт упомянут на расстоянии 1 клаузы	52	85	30
Референт упомянут на расстоянии 2-5 клауз	19	34	23
Референт упомянут на расстоянии более 5 клауз или не упомянут	53 (43%)	95 (44%)	20 (<u>27%</u>)
Всего употреблений	124	214	73

Таблица 20

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Референт выступает в роли прямого дополнения	43 (<u>61%</u>)	65 (55%)	31 (59%)
Референт выступает в роли подлежащего	16 (23%)	32 (27%)	17 (32%)
Референт упомянут в предшествующем контексте	71	119	53

Каузируемые участники гораздо менее топиальны, чем каузирующие; это проявляется в более частом допущении их употребления при введении в текст нового участника. Наиболее консервативен в этом отношении нанайский язык: он значительно ограничивает возможность каузируемого (до 27%) представлять референта, не появлявшегося в предшествующем контексте.

Будучи упомянутым, референт каузируемого возникает в позиции прямого дополнения, идентичной его позиции в каузативной клаузе,

несколько чаще, чем во всех остальных позициях. Эта тенденция с разной степенью отчетливости также прослеживается во всех сопоставляемых языках.

6. Последняя синтаксическая позиция каузируемого участника и эксплицитность его выражения.

В завершение сравним языки на предмет того, как влияет последняя синтаксическая позиция референта каузируемого на его выраженность в каузативной конструкции. Таблица 21 содержит случаи эксплицитного выражения участника, таблица 22 – имплицитного.

Таблица 21 : эксплицитность

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Прямое дополнение	10 (23%)	20 (31%)	8 (26%)
Косвенные позиции	3 (25%)	10 (45%)	2 (40%)
Подлежащее	10 (62%)	16 (50%)	12 (71%)
Не упоминается в левом контексте	39 (74%)	62 (65%)	15 (79%)
Всего	62	108	37

Таблица 22 : имплицитность

	Калмыцкий	Башкирский	Нанайский
Прямое дополнение	33 (77%)	45 (69%)	23 (74%)
Косвенные позиции	9 (75%)	12 (55%)	3 (60%)
Подлежащее	6 (38%)	16 (50%)	5 (29%)
Не упоминается в левом контексте	14 (26%)	33 (35%)	5 (25%)
Всего	62	106	36

В калмыцком языке существует явная связь между способом выражения участника в каузативной клаузе и той ролью, которую исполнял его референт при последнем упоминании в тексте. Можно сформулировать наблюдаемые тенденции следующим образом: если последняя позиция, занимаемая референтом каузируемого, сохраняется (соответствует прямому дополнению), то предпочитается имплицитное выражение; при смене позиции (в том числе – при первом появлении в каузативной клаузе) –

предпочитается эксплицитное выражение. Следовательно, для выбора между выраженностью или контекстным опущением каузируемого особенной важностью обладает синтаксическая роль его референта при последнем упоминании.

В других двух языках означенные для калмыцкого тенденции оказываются действительны, но в разной степени отчетливы. Башкирский язык разделяет общие стратегии выбора при определении способа выражения, но следует им не так последовательно. Напротив, нанайский язык полностью поддерживает тенденцию и даже усиливает ее, когда происходит смена роли участника.

IV. Заключение

Исследование употреблений каузативных конструкций в естественных текстах на башкирском и нанайском языках позволило изучить их структуру, проследить особенности функционирования в связном тексте и установить ряд свойств, присущих участникам конструкций. Собранные данные были сопоставлены с результатами анализа каузативных конструкций в калмыцком языке, изложенными в статье [Сай 2009].

В процессе сопоставления были выявлены тенденции, реализующиеся в едином направлении в системах данных языков.

- 1) Топикальность каузатора.
- 2) Наличие прямой связи между синтаксической позицией, занимаемой партиципантом в каузативной клаузе, и позицией, которую занимал соответствующий ему референт при последнем упоминании в предшествующем контексте (в пределах 5 клауз).
- 3) Наличие зависимости между выраженностью каузируемого участника в каузативной клаузе и той синтаксической позицией, которую занимал его референт при последнем упоминании.

Зависимость проявляется в стратегиях выбора способа выражения:

- ИмPLICITное выражение предпочитается, если в предыдущем контексте участник упоминается в роли прямого дополнения (иными словами, при сохранении предыдущей роли участника)
- ЭкPLICITное выражение предпочитается, если в предшествующем контексте участник употребляется в позиции подлежащего, а также, если не упоминается в пределах 5 предшествующих клауз (иными словами, если в каузативной клаузе происходит кардинальная смена позиции)

Несмотря на различия в степени отчетливости, представленные тенденции справедливы для системы каждого из языков. В целом, можно охарактеризовать нанайский язык как представляющий, в большинстве случаев, наибольшую выраженность перечисленных тенденций, башкирский язык – как отражающий тенденции менее явно, и калмыцкий язык – как занимающий прочное среднее положение между двумя другими языками.

Проведенный анализ не выявил единообразия в употреблении глагольных вершин каузативных клауз: в калмыцком языке каузативы, как правило, представлены нефинитными формами глагола. Данные, полученные для башкирского и нанайского языков, не обнаруживают закономерного сочетания каузативного глагола с нефинитным грамматическим оформлением.

Литература

1. Абдуллина Г. Р. О залоговых формах глаголов башкирского языка. Вестник ЧГУ, Вып. 26, Филология, № 30 (131). С.: 5-12.
2. Авронин В. А. Грамматика нанайского языка. Том первый. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. Л.: ИЯ АН СССР.
3. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Том второй. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. Л.: ИЯ АН СССР.
4. Дмитриев Н. К. 2008. Грамматика башкирского языка М.: Наука.
5. Кибрик А. А. 2003. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Диссертация. М.: ИЯ РАН РГГУ.
6. Кормушин. И. В. 1990. Алтайские языки // В. Н. Ярцева (ред). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: ИЯ АН СССР.
7. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б.. 2006. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН.
8. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969а. Типология каузативных конструкций // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука. С. 5–19.
9. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969б. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука. С. 20–50.
10. Орловская М. Н. 1999. Формы каузатива и проблема побудительного залога в монгольских языках // Общее и восточное языкознание. Сб. научных трудов, посвященных 70-летию чл.корр. РАН, проф. В.М. Солнцева. М.
11. Перехвальская Е. В. 2013. Каузатив в башкирском языке. Материалы чтений памяти Александра Михайловича Щербака в ИЛИ РАН. СПб.
12. Плуныян В. А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. С. 40
13. Сай С. С. 2009. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка [= ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA, том V, часть 2]. СПб.: Наука. 2009. С. 387–464.
14. Сай С.С. 2014. Expanding the typology of pivot-feeding operations: the case of the causative (К типологии актантных преобразований, обслуживающих полипредикативные конструкции: каузатив). 2-я конференция по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию 15–17 октября (GeNSLing 2014). М.
15. Стенин И. А. 2013. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северно-самодийских языках. Материалы доклада «Десятая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей». СПб.: ИЛИ РАН.
16. Стенин И. А. 2014. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северно-самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Том 11. Часть 2. С. 583-597.
17. Тестелец, Я. Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ.
18. Файнвейц А. В. 2007. Механизм переключения референции в нанайском языке // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы конференции. Санкт-Петербург. СПб.: «Нестор — История». С.155-158

19. Ханина О.В. 2003. Опыт описания семантической зоны желания и средств ее выражения (на материале чувашского языка) // Вестник МГУ, Филология. № 5. С. 101-116.
20. Холодович А. А. (отв.ред.). 1969. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука.
21. Шлуинский А. Б. 2002. «Наследование» грамматических значений в семантически сочинительной конструкции: к типологии глагольных форм. Дипломная работа. МГУ филологический факультет отделение теоретической и прикладной лингвистики. М.
22. Юлдашев А.А. (отв. ред.). 1981. Грамматика современного башкирского языка . М.: «Наука».
23. Comrie B. 1976 The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences. // Shibatani M. Syntax and Semantics. Vol 6. Oxford. P. 261-31.
24. Comrie B. 1985. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description, III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press. P. 309–348.
25. Shibatani M. 1976. The grammar of causative constructs: A conspectus // Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causative Constructions. New York: Academic Press. P. 1–40.
26. Dixon R.M.W. 2012. Basic linguistic theory. Vol. 3. Further grammatical topics. Oxford: Oxford University Press.
27. Givón T. 1983. Topic continuity in discourse: an introduction // Givón T. (ed.). Topic continuity in discourse: a quantitative cross-language study. (Typological studies in language, 3). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 1–41.
28. Shibatani M., Pardeshi P. 2002. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam: John Benjamins. P. 85–126
29. Palmer, F.R. 1994. Grammatical roles and relations. Cambridge: Cambridge University Press.
30. Van Valin, Robert D. 1980. On the distribution of passive and antipassive constructions in universal grammar // Lingua, 50. P. 303-327.